

или иным причинам оставшимися проживать в западных странах. Именно на этих интервью (помимо источников из многочисленных немецких архивов) базируется фундаментальный труд А. Даллина¹¹. Его работа до сих пор остаётся эталоном для любого исследователя, занимающегося историей нацистской оккупации. Анализируя поведение и настроения людей, оставшихся на захваченных врагом территориях, историк пришёл к выводу, что несмотря на то что жизнь в довоенном большевистском государстве была невыносимо тяжёлой, предложенная нацистами альтернатива оказалась ещё хуже¹². В результате немцы столкнулись с активным сопротивлением местного населения. Более того, Даллин предположил, что исход войны на Восточном фронте мог быть иным, если бы оккупационная власть вела себя иначе¹³.

Западные историографы 1950-х гг. — начала 1990-х гг. фокусировались в целом на оккупации СССР, пытаясь выявить общие черты, характерные для всех его захваченных территорий¹⁴. Историки США и ФРГ в первую очередь использовали в своих исследованиях документы из немецких архивов (многие из них стали доступны почти сразу после войны) и эмигрантскую литературу.

В советской историографии вопрос о сотрудничестве местного населения с немецкими оккупантами рассматривался лишь фрагментарно. Одним из обусловивших это факторов являлась особая политика памяти о Великой Отечественной войне. Когда в 1965 г., спустя 20 лет после её окончания, в Советском Союзе начали отмечать День Победы, власть «монополизировала» память о войне. По словам Л. Гудкова, это явилось началом «официального, демонстративного почитания “ветеранов”», появления «“лирической” тональности в описаниях войны (в первую очередь в воспоминаниях) и различных государственных ритуалах, этот процесс соединял стереотипизацию коллективного опыта... с соответствующими государственно-историческими понятиями о державной истории, национальной культуре, моральными оценками частной жизни и представлениями о пределах её автономности»¹⁵.

Историография, базировавшаяся на официальной «Истории Великой Отечественной войны, 1941—1945» и мемуарах советских маршалов была представлена лишь героическим нарративом. Хотя составной частью Дня Победы стало поминовение, печальная память о погибших, человеческих страданиях и материальных разрушениях, основной идеей сформировавшейся культуры памяти стало представление СССР как страны-победительницы, спасшей мир от нацизма. Из официального дискурса исчезли целые категории жертв: евреи, остарбайтеры, бывшие военнопленные, цыгане. Память о коллаборационистах, которые по определению являлись «предателями Родины» и «пособниками фашистов», тем более не соответствовала героизации войны, основой которой должны были стать подвиги ради защиты Советского государства¹⁶. Таким

советских граждан при сталинизме: *Inkeles A., Bauer R.A.* The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge, 1959.

¹¹ *Dallin A.* German Rule in Russia, 1941—1945: a Study of Occupation Policies. L., 1957.

¹² *Ibid.* P. 678.

¹³ *Ibid.* P. 680.

¹⁴ *Dallin A.* German Rule in Russia.; *Mulligan T.* The Politics of Illusion and Empire: German Occupation Policy in the Soviet Union. N.Y., 1988; *Reitlinger G.* Ein Haus auf Sand gebaut. Hamburg, 1962; *Rich N.* Hitler's War Aims. The Establishment of the New Order. N.Y., 1974.

¹⁵ *Гудков Л.* «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005. № 2—3 (URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/gu5-pr.html>).

¹⁶ Подробнее см.: *Кринько Е.* Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии // Вопросы истории. 2004. № 11. С. 153.